

- Но если мы поместим два мешка поменьше по бокам баллисты, а не один сбоку, болт должен иметь гораздо, гораздо лучший диапазон, - прокомментировал Джоффри, рисуя на пергаменте. Три двулучника, которые руководили тем, что осталось от Деревянно-железных солнц в Форте Рассвета, загудели, уставившись на это, прежде чем один из них схватил пергамент и нарисовал на нем несколько изменений, что побудило двух других к возмущенным контраргументам и общему выдергиванию волос. Вскоре эскиз наполнился нечитаемыми заметками, поскольку двулучники общались друг с другом на непонятном языке Архитекторов. У Джоффри не хватило духу сказать им, что он уже сделал расчеты сам... он предпочитал наблюдать, как они спорят и подшучивают друг над другом, оценивая дизайн.

Их манеры были удивительно похожи на манеры Ксон-Ми, и каждый раз, когда он видел их такими, он чувствовал горько-сладкий привкус в груди.

Зепредельное и вихты забрали так много друзей...

Болт, предназначенный для выстрела из тяжелой баллисты, уже был обсужден и назван мастерами, работавшими на осадных работах Бастиона. Они назвали его "шмель", к удовольствию Джоффри.

- А что насчет снарядов к баллисте? - Джоффри внезапно спросил их.

- Почти готово, сэр, хотя их эффективность останется недоказанной до тех пор, пока они действительно не будут использованы в бою, - сказал один из них.

Джоффри рассеянно кивнул, подумав о необычных контрмерах, которые он и Архитекторы разработали. Некоторые назвали бы его сумасшедшим за абсурдное использование баллисты, но после того, что видели все в "Армии Льва" и Объединенных Легионах...

Им нужно было немного этого творческого мышления.

Он снова покачал головой. Снаряды баллисты, почти закончены, нет смысла беспокоиться о них... Подумал он, оглядываясь на исправленный набросок своего нового творения.

И действительно, шмель, Подумал он, фыркнув и закрыв глаз, пытаясь прогнать то неуловимое состояние сознания, которого так легко было достичь архимастеру Бенедикту.

Когда он открыл глаз, он быстро добавил несколько завершающих штрихов главным образом для того, чтобы не загорелись тяжелые мешки с маслом при выстреле затвора. Это должно по идее происходить в полете, чтобы оружие было действительно эффективным. Он с некоторой гордостью отметил, что его почерк был разборчив, несмотря на то, что он написал левой рукой.

Он вернул эскиз, и Архитекторы одобритительно хмыкнули, отдавая честь, горя желанием протестировать последнюю версию.

-Что дальше, Ло? - спросил он, когда они проходили через мастерскую, заполненную людьми, стараясь избегать разъяренных мастеров и торопливых учеников, которые работали над множеством снарядов, оружия и запасных частей.

- ...На самом деле ничего такого, что требовало бы внимания по крайней мере до полудня, - сказал его помощник, слегка удивленный, когда он посмотрел на свои записи.

-...Правда? - он спросил.

- Похоже, что так, сэр, - сказал он.

Джоффри почти не мог в это поверить, но у него было «свободное» время.

И было кое-что, что я откладывал на потом, Подумал он, выходя из большой мастерской, черный камень Бастиона немного блестел под утренним солнцем.

***

Маленькая черная скала почти наверняка была обелиском в далеком прошлом, но после разрушений времени остался лишь пенек неправильной формы. Камень стоял в центре очень маленького парка, не намного больше, чем его старая комната в Красном замке. По бокам росли небольшие деревья и кустарники, придавая этому месту умиротворяющую атмосферу.

Небольшие порывы ветра неуклонно усиливались на протяжении всей прошлой недели, и Джоффри был уверен, что враг недалеко. Атака должна была начаться со дня на день, быстрый, грубый удар, чтобы затопить волнами мертвецов крепость, и таким образом сохранить Ходокам время, не тратя его на длительную осаду. Похоже, у них не достаточно припасов для длительной осады, но каждый труп, убитый под фортам Рассвета, не будет убивать людей во всем остальном мире.

Он подошел к зазубренному камню и опустился на колени, повесив серебряный медальон Джоса рядом с десятками других, покрывавших черную скалу. Великий месяц Венци, командир Северного полушария Нефритовых писарей, был убит вместе с большинством Нефритовых писарей Легиона во время "Падения", когда объединенные Легионы погибли под мощью ходоков. Он был номинальным начальником Джоса и человеком, которому он должен был отдать медальон.

Под его командованием оставалось всего несколько Лун, и они отказались принять медальон. Вместо этого они направили его сюда.

Это был своего рода мемориал, возможно, признание заслуг или символ того, что они не будут забыты... Джоффри действительно не знал и не спрашивал. Он знал, что это было важно для Писарей, и поэтому он пришел.

- Ты хорошо справился, Джос... ты хорошо справился... - прошептал он.

Некоторое время он рассматривал слегка покачивающиеся медальоны, ощущая покой маленького сада.

Он чувствовал, как напряжение и вопросы медленно рассеиваются по мере того, как маленькие деревья и кусты раскачиваются на ветру, вопросы о циклах и львах исчезают из его головы, а мышцы расслабляются.

Он грустно улыбнулся, сел и закрыл глаза. Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз медитировал.

***

Солнце скрылось на западе несколько часов назад, и обычная суэта, которая характеризовала Форт Рассвета в течение последнего месяца, была приглушенной, почти спокойной.

Джоффри удалился в свою комнату, но уже больше часа не мог заснуть. Он зажег пару масляных фонарей и попытался немного почитать книгу Фол Финга, несмотря на то, что к настоящему времени знал книгу наизусть...

Это не помогло. После этого он надел свои обычные тяжелые ботинки и ходил по кругу вокруг своей комнаты в течение двадцати минут, но что-то внутри его разума отказывалось отпустить.

Он не совсем понимал почему, но он обнаружил, что стоит перед большим зеркалом, которое украшало его комнату. Оно было большим и покрытым золотой эмалью, и, помимо превосходного, почти мирийского качества стекла, оно напоминало о Вестеросе.

О Санса, если бы ты могла увидеть меня сейчас... Джоффри задумался, глядя на человека в зеркале. Какие бы иллюзии красоты рыжеволосая ни видела в нем, они давно исчезли.

У его левого уха не хватало задней части, откушенной крылатым вихтом. Его правому уху не хватало верхней половины после того, как стрела огненного фанатика задела его, много лет назад. Его правый глаз, конечно, был выколот, благодаря ледяному клинку Белого Ходока. Он задрал рубашку, не отрывая взгляда от здорового шрама посередине живота. Справа от него была часть обгоревшей кожи, благодаря мощному удару, нанесенному ему Белым Ходоком. Обе раны были окружены следами порезов и проколов, наследием ран от тысячи мечей, когтей, сабель и стрел. Он приподнял правую культю, глядя на корявый конец расфокусированным взглядом.

Если я останусь здесь...

Если я останусь здесь... Я умру.

Я умру и никогда больше не проснусь... Подумал он, наклоняя руку, изучая контуры культи.

На самом деле было очевидно, что Джоффри знал только об одной силе, достаточно мощной, чтобы быть на том же уровне, что и Пурпур.

Белые ходоки. Существа, способные возвращать самих мертвых в качестве своих вечных рабов.

Если бы его убили здесь, его бы вернули... но не в его старую комнату в Красном Замке. Он был бы реанимирован как мертвец. Как он мог возродиться в пурпуре, если сама его душа была поймана в ловушку сверхъестественными существами, подчиненными их воле. Его индивидуальность исчезла, его воспоминания исчезли, сама сущность, которая делала его самим собой, была заменена неумирающим голодом плоти и вечной ненавистью к живым.

Он всё ещё мог убежать, ещё было время. Это было бы так просто - загрузить пару лошадей припасами и уехать через Западные ворота, как это сделало Верховное командование

крепости. Ему придется пробираться через Красные Болота и дальше, чтобы бродячие группы вихтов не убили его, но рано или поздно он доберется до побережья. Там он мог украсть небольшую лодку и грести, пока у его руки не откажут от усталости. Он не знал, насколько велика дальность магии ходоков, но она не могла быть такой большой. Быстрый удар в шею, и он снова был бы в безопасности, свободен отдохнуть, свободен искать вечно ускользающие ответы...

Он закрыл глаз.

Все, что ему нужно было сделать, - это предать своих людей. Точно так же, как это делали другие. Разорвать все узы братства, предать своих братьев, оставить каждого человека наедине с собой...

Умереть, как испуганная крыса.

Он мог представить их лица, отчаяние, когда новость распространится. Боль и всепоглощающая паника, превратившие людей в животных, обрушились бы на Рассветный Форт, как густые миазмы. Он видел, как великая армия, готовая уничтожить их, плывет без сопротивления, поражая Йи-Ти и весь мир, как кувалдой, прежде чем они смогут даже начать готовить адекватную оборону.

Выбор угрожал сломить его, и он чувствовал, как дрожит все его тело.

Последний шанс.

Они даже не вспомнят об этом предательстве, и весь остальной мир будет восстановлен благодаря Пурпуру. Все было бы смыто, все было бы так, как было.

Ему не нужно было умирать здесь.

.. Было легко быть "храбрым", когда он знал, что всегда вернется. В течение многих лет, десятилетий он говорил себе, что изменился, что он вышел за пределы этой оболочки ребенка, что он оставил позади монстра, которым был. Он потратил годы, пытаясь оправдаться перед самим собой, наконец он стал другим человеком.

Если бы он сейчас повернул назад, разве это не означало бы, что все было напрасно? Разве это не означало бы, что все это было одним большим оправданием, просто лаком, слоем краски, который он использовал, чтобы скрыть тот факт, что пурпур фактически сделал его бессмертным? Это когда ставки были реальными... он был разоблачен как не что иное, как подделка?

Разве это не означало бы, что он на самом деле совсем не изменился?

Разве это не означало бы, что он не был хозяином своей судьбы?

Дрожь прекратилась.

Я умру здесь.

Эта мысль ударила его, как теплый ветерок, глубокое чувство благополучия, как будто он только что проснулся после долгого дня в тени чардрева.

Он с удивлением понял, что не боится этого. Навсегда затеряться в темноте, никогда больше не существовать.

Потому что он умрет, как сам хочет. Не как испуганная крыса, не как избалованный принц, а как он.

Джофф.

Джоффри.

Просто... Джоффри.

Спокойствие, охватившее его на несколько секунд после этого осознания, было слишком сильным, чтобы выразить его словами... это было похоже на смесь воспоминаний. Ободряющая улыбка Неда, порыв холодного ветра на вершине мира, всплеск, когда корабль пронесся сквозь очередную волну, звук игральные костей, катящихся в чашке, огромное поле звезд, теплый смех друга.

Джоффри глубоко вздохнул, когда это чувство омыло его; словно тяжесть, которую он так долго нес, медленно растворилась.

Он открыл свой бледно-зеленый глаз и увидел себя в зеркале.

Джоффри улыбался.

Он потерял себя, глядя в свой собственный глаз, теряясь в бледно-зеленой безмятежности, которая окутывала его, как успокаивающее одеяло.

Вдалеке проревел глубокий гудок.

- Пора, - подумал он про себя, когда человек в зеркале безмятежно посмотрел на него в ответ.

- ГГГооооооооооууууууууУУУУуууууууу, - взревел великий рог рассвета, низкой тональности шум, который, казалось, долетевшее сюда сквозь камни сами.

- Командир! - сказал Ло, как он открыл дверь и вошел быстро. Он идеально отсалютовал, прежде чем сообщить ему новость.

- Разведчики сообщают о большой орде людей на северо-востоке, быстро движущихся к нам... они заметили среди них Ходоков, - объявил он.

Хозяева своей судьбы...

- ...Они здесь, сэр, - добавил он, когда Джоффри продолжал молча смотреть в зеркало.

Те, кто стоит на страже...

- Принеси мои доспехи, - приказал он.

Джоффри продолжал смотреть в зеркало, пока двое солдат несли к нему большой сундук,

прежде чем открыть его. Один из солдат схватил что-то, прежде чем нагнулся и пристегнул черный стальной наколенник под левым коленом, как другой сделал то же самое с его правой ногой.

- Иногда... Иногда люди становятся чем-то большим, чем они сами... - прошептал Джин в его голове, Джоффри поднял руки и Ло надел на него гамбезон, а затем кольчугу.

- Маяк света и надежды... - прошептал Джин, пока солдаты закрепляли плиты черной брони на его бедрах.

- ГГГоооооооооооуууууууУУУУУууууууу, - прогудели рога Рассвета, возвещающий о прибытии врага.

Человек в зеркале поднял культю, и Ло привязал к ней длинную булаву, пристегивая и прикрепляя кожаные крепления, а также убрал защитный чехол с острых стальных фланцев.

- ...Непоколебимая опора...- прошептал Джин, когда один из солдат надел ему на левую руку перчатку, а затем наруч, черный кусок полированной стали с легким красноватым оттенком, который покрывал его передпоечье. Человек в зеркале развел обе руки в стороны, и Ло с солдатом надели ему на грудь нагрудник, спинную пластину и закрепили все детали.

Черный нагрудник медленно приобретал более сильный красноватым оттенок по мере того, как поднимался вверх, пока не достигал шеи в великолепном темно-красном цвете. В центре нагрудника была изображена изогнутая, искаженная Крепость, жутко напоминающая лицо. Огромные крепостные ворота были открыты, как будто кричали, а башни, обрамлявшие их, казались наклонными, с линиями эмалированных рубинов, каскадом спускающихся вниз.

Оно плакало, проливая яростные слезы горящего огня.

-...Отец для своих людей... - прошептал Джин, когда двое солдат безмолвно закрепили черные стальные налокотники на его руки, а затем два больших наплечника, по одному на каждое плечо. Как наплечнике изображен Рассвет форт в миниатюре, одна более наклонена, как будто опечалена в то время как другая, казалась ровной, возможно, с удовольствием вспоминая о счастливых временах.

- ГГГоооооооооооуууууууУУУУУууууууу, - ревели рога рассвета.

Двое солдат отошли в стороны, когда Ло встал позади Джоффри, поместив серую повязку на месте его правого глаза, закрыв пустую глазницу. Он туго завязал узел на затылке, в то время как солдат крепил обсидиановый кинжал на левый бок, на уровне бедра

- Иногда... Иногда люди становятся чем-то большим, чем они сами...кем-то более великим... - прошептал Джин, его голос почти потерялся в тишине, когда Ло наклонился справа, пристегивая тяжелую саблю к бедру, а двое солдат снова появились сзади, неся малиново-красный плащ. Они прикрепили его к наплечникам и отпустили ткань, позволяя ей свободно свисать, слегка колыхаясь, когда порыв леденящего кости ветра просвистел рядом. Он покрывал всю спину, не мешая ногам свободно двигаться.

